

АРУЕУ

Александр
ПРОЗОРОВ

Яриец:

Арканистский
колдун

Молот Одина

Хозяйка
Валгаллы

Властелин
булата

Александр ПРОЗОРОВ

Яриец

Книга четвертая

Властелин булата

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П79

Разработка серийного оформления
А. Саукова, Ф. Барбышева

Иллюстрация на обложке *В. Петелина*

Прозоров, Александр Дмитриевич.

П79 Ариец. Книга четвертая. Властелин булата :
[фантастический роман] / Александр Прозоров. —
Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с. — (Ариец).

ISBN 978-5-699-94722-5

Матвей, как и положено студенту Технологического института, был материалистом до мозга костей. Его убеждения не поколебало даже попадание в далекое прошлое, в IX век до нашей эры, и дружба с прародителем славян, великим богом Сварогом, в кузне у которого он стал надежным помощником. Однако вскоре выяснилось, что для достижения заметных результатов в производстве железа одних только знаний слишком мало. И только когда Матвей признал свой божественный дар, ему удалось вернуть весь древний мир...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94722-5 © Прозоров А.Д., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

ПРОЛОГ

В полном согласии со своим названием, река Вязьма вязала сложные петли, изгибы и повороты, хитро извиваясь через густые заснеженные леса. Наверное, прямой путь на восток получился бы короче раз в пять — вот только пути этого прямого просто не существовало. Если на ледяном русле снега лежало по колено — то там, в чащобах, сугробы поднимались выше человеческого роста, укрывая под собой груды валежника и гнилые стволы давным-давно упавших деревьев, ямы от вывороченных еще весной сосен и пни от сломанной бурей черемухи; переплетение ивовых, боярышниковых и бузиновых ветвей, замерзшие, но все равно крепкие стебли чертополоха, иван-чая и крапивы. Туда только сунься — хорошо если просто застрянешь, а то ведь недолго и ноги переломать, никакие лыжи и снегоступы не помогут. И потому бредущие на восток воины терпеливо петляли вслед за Вязьмой, покорно повторяя все ее прихоти и не пытаясь срезать дорогу даже через лысые узкие мыски.

То, что по реке двигалась армия, легко угадывалось по снаряжению путников. Щиты за спинами, тяжелые палицы с каменными навершиями на поясах, рядом с легкими гранитными или сланцевыми топориками. На берестяных санях, что тянул за собой каждый второй юноша — три-четыре запасных копья с острыми

обсидиановыми и кремниевыми наконечниками, лук, охапки стрел.

Зачем обычному человеку в дороге щит и палица? Зачем легкий топорик? От зверя отбиться — одного копыя вполне хватит, деревья рубить — топор нужен тяжелый, на короткой рукояти. Да и от лука путнику польза небольшая. Зверь ведь сам на дорогу не выскочит. А ходу в лес зимой — считай, что вовсе нет. И зачем его тогда таскать?

Другое дело — война.

В быстрой схватке легкий топорик куда полезней тяжелого. Кость поломать — сильного удара не надобно. Копейные наконечники в схватках крошатся быстро — посему всегда полезно запасное оружие иметь. А без щита, лука да удобной хваткой палицы — в первой же битве голову сложишь.

Сверх того внимательный взгляд мог определить, что походной колонной двигаются скифы. Обилие войлочных доспехов и валяная обувь, замшевые плащи, заячьи рукавицы и волчьи шапки сразу выдавали закоренелых степняков. Ведь славяне и лесовики предпочитали одежды из носких и теплых мехов — рыси, бобра, соболя. На худой конец — горностаю или белки. Но в степи, известное дело, с охотой трудно. Вот и выкручиваются кочевники как могут, благо овечьей шерсти и конских шкур у них в достатке.

Оставалось понять — что делают четыре сотни юных скифов возле самых истоков могучей славянской Волги, называемой ниже по течению Итилем, и как сумели они забраться столь далеко в гущу непролазных северных лесов?

— Вроде бы дымом пахнуло? — неожиданно закрутил головой один из скифов, над верхней губой которого только-только начал пробиваться темный пушок.

Другие путники тоже насторожились, повели ногами.

— И правда, вроде костром веет... — согласился еще один, следом кивнул третий.

— А я ничего не чувю, — мотнул головой четвертый, оглядываясь на кареглазого воина с усыпанным веснушками лицом.

От всех прочих сей юноша отличался лишь дорогим поясом с янтарными накладками, чуть более широкими, сплетенными из ивы снегоступами и самыми тяжелыми санями, на которых полулежала девушка, закутанная в богато вышитую кошму, в волчьем треухе и с заячьим шарфом, оставляющим на виду только синие глаза.

— У кого щиты на волокушах, возьмите в руки, — распорядился веснушчатый воин. — Луки тоже разберите и колчаны откройте, дабы в любой миг стрелу выдернуть. У кого груз на лямках — назад отступайте, кто налегке идет — вперед выдвигайтесь.

Колонна продолжила движение по пробитой рекой узкой просеке между высоченными, чуть не до неба, стенами из густых черных елей и сосен с припорошенными снегом макушками. Скифы перестраивались на ходу: лучники снимали с легких берестяных и плетеных саней свое оружие, перебрасывали ремни колчанов через плечо, проверяли натяжение тетивы. Те воины, что тянули волокуши, отступали в сторону, пропускали более свежих товарищей вперед. Сами собой прервались походные разговоры, люди настороженно смотрели по сторонам и под ноги, опасаясь ловушек.

Излучина, другая — и впереди, за обледенелым мыском, внезапно открылась стоянка с кострами, шалашами и даже невысокой стеной, сложенной из скатанного снега. Степняки тоже нередко ставили такие возле

юрт, защищая зимние кочевья от пронизывающих ветров.

Чужаков на берегу заметили сразу. Послышались тревожные крики, и обитатели лагеря, расхватывая оружие, выбежали на лед, перекрывая реку. меховые штаны, меховые сапоги, рысьи шапки, бобровые куртки, плащи из выдры и росомахи, амулеты с крестами и молотками. Судя по всему — это были славяне.

Снег перед стоянкой воинов славного народа оказался хорошо утоптан, и три ряда мужчин выстроились от берега до берега в считанные мгновения: четыре десятка ратников с круглыми щитами и копьями с иноземными обсидиановыми наконечниками и десяток лучников.

Числом славяне уступали скифам многократно — однако среди них наверняка имелось несколько богов, каждый из которых превосходил быстротой и силой десятки смертных, а потому предсказать исход предстоящей битвы не взялась бы даже самая многоопытная провидица.

Негромко хлопая снегоступами по насту, степняки стали выстраиваться напротив врага. Славяне не мешали, позволив подтянуться в общие ряды даже самым дальним «обозникам», бросившим свои волокуши.

Кареглазый воин вышел на пару шагов вперед, оправил пояс, проведя под ним большими пальцами обеих рук. Громко поздоровался:

— Рад видеть тебя, дядюшка Перун, повелитель гроз и бог справедливости! Что за нужда занесла тебя в сию глухомань накануне черных карачуновых ночей¹?

¹ Карачун — праздник «темных» богов, сил зла и всякой нечисти — отмечался славянами в день зимнего солнцестояния.

— Хорошего тебе дня, великий Орей, сын всемогущей Макоши! — отозвался из славянских рядов невысокий рыжебородый крепыш, на плечах которого лежал плащ из чернобурки, а грудь закрывала кираса из толстой кожи зубра. — Могу задать тебе тот же вопрос, племянничек! Как ты попал к нам на Вязьму, да еще и во главе скифской армии?

— То отнюдь не секрет, дядя! — развел руками юноша. — Я хочу увидеть свою матушку, что в темном безумии начала убивать верующих в нее смертных и насылать порчу на собственных детей.

— Так проходи, Орей! Но токмо один, без степняков. Подобных незваных гостей у себя в Вологде мы не ждем.

— Разве я не сказал, дядюшка Перун? — удивленно почесал в затылке скифский воевода. — Мама пыталась меня убить! И потому беседовать с ней, не имея под рукой пары сотен воинов, я больше не рискну.

— Прости, Орей, но я не могу пропустить тебя на наши реки вместе со скифами, — покачал головой рыжебородый воин.

— Прости, дядя, но я все равно дойду до Вологды, — пожал плечами юноша. — У меня нет к тебе вражды, великий Перун. Я желаю покарать только безумную богиню. Не мешай мне, и мы останемся друзьями. Я даже не прошу твоей помощи, дядюшка, я все сделаю сам. Просто отойди в сторону.

— Тебе следует слушаться старших, мой мальчик, а не угрожать им, — ответил бог грозы. — Ты переступил черту, убив великого Световида. Если кто и заслуживает наказания, то только ты.

— Мне жаль, что ты не понимаешь слов, великий Перун. Очень жаль... — Великий Орей оглянулся на свою армию и кивнул степнякам.

Скифы сбросили ивовые снегоступы, двинулись вперед, вскинув щиты и медленно переставляя глубоко проседающие в снег ноги. Посему первый удар степняков получился медленным, даже ленивым. Добравшись до врага, они стали тыкать в славян копьями, норовя уколоть защитников Макоши в просветы между щитами. Местные воины отвечали тем же, и битва началась сосредоточенным пыхтением, стуком каменных наконечников о дерево и редкими вскриками боли, когда кремниевое острие все-таки достигало своей цели.

Задние ряды скифов, вообще не достающих до врага, нажимали на спины товарищей, вынуждая тех двигаться вперед, и очень скоро щиты передних рядов сомкнулись, лишив воинов возможности сражаться. Враги смотрели друг другу в самые глаза — и просто толкались, налегая плечами на деревянные диски, поднимая копыя, и сжатые товарищами так, что даже дышать удавалось с трудом. А поскольку степняков собралось куда больше, нежели славян, то они почти сразу победили в этой давке, двинулись вперед, отталкивая противника вверх по реке, заставляя пятиться все быстрее и быстрее. Идти спиной вперед неудобно — и отступающие стали спотыкаться, оглядываться, так что уже через три десятка шагов строй защитников реки разошелся сразу в нескольких местах.

Скифы с торжествующими воплями ринулись в разрывы, славяне стали отбегать и разворачиваться, сбиваясь в группы. На реке сразу сделалось просторно, воины получили свободу для размаха и принялись бить друг друга копьями с такой силой, что обсидиановые наконечники, если попадали не в тело, а в щит, разлетались на осколки, кремниевые же крошились, лишаясь острия. Однако сошедшиеся в смертной схватке

мужчины просто отбрасывали ставшее бесполезным оружие, выдергивали из поясных петель палицы или топоры и кидались в яростный ближний бой.

И тут случилось невероятное! Вместо обычного оружия славяне обнажили тонкие длинные полоски светло-светло-коричневого цвета и принялись колотить ими и рубить, отбивать удары, безжалостно бить по щитам. Причем полоски, несмотря на хрупкий вид, не мялись и не ломались даже при столкновении с гранитными топорами — лишь высекали из камня длинные белые искры.

— Поговорим, племянничек? — раскидав ближних врагов, двинулся к Орею бог грозы.

— Я не хочу тебя убивать, великий Перун! — шагнул ему навстречу сын Макоши и быстрым ударом топорика в центр украшенного желтыми молниями щита заставил треснуть среднюю доску.

— А ты и не сможешь! — взмахнул своей коричневой полоской рыжебородый воин и просто срезал, как тонкую веточку, весь верхний край щита воеводы. Прикрылся от выпада юного бога и вторым взмахом рассек деревянный диск Орея надвое. Юноша едва успел отдернуть руку, не то лишился бы и ее. — Как тебе такая игрушка, племяш?

Перун рубанул из-за головы — Орей успел подставить под полосу топор. Нефрит столкновение выдержал. Странная полоса в руках славянского бога — тоже, и громовержец быстро толкнул ее вперед, легко проколол воеводе степняков плечо над сердцем.

— А-а-а... — Орей отскочил, левой рукой подхватил со снега копьё без наконечника и громко закричал, чуть повернув назад голову: — Лучники!!! Секи их!!!

Великий Перун, зарывав, опять рубанул из-за головы. Орей закрылся древком копья — полоса легко

перерубила ратовище раз, потом еще один, потом еще, оставив воеводе только маленькую бесполезную культяпку. Между тем разбить вражеский щит юный бог так и не смог, хотя несколько его точных ударов и размочалили стягивающие доски ремни.

Воеводу спасло наполнившее морозный воздух жужжание. Бог грозы, остановив напор, торопливо прикрылся щитом. Но не все сварожичи оказались столь быстры, и сразу со всех сторон послышались крики боли, ругань, предсмертные стоны.

Забрасывать стрелами плотный ратный строй — занятие бесполезное. Найти себе добычу за большими толстыми щитами каменным наконечникам не по силам. Но вот сейчас, когда строй развалился и славяне стояли к лучникам кто боком, кто без щита, кто и вовсе спиной — известные своей меткостью скифские лучники показали свое мастерство в полной мере, попадая прочными кремниевыми шипами не просто во врагов? а точно в переносицу, в шею, в открывшийся просвет кирасы.

Потеряв с десяток товарищей, славяне быстро отступили к берегу, где сомкнули строй, закрылись щитами и уверенно ринулись в новую атаку, выставив вперед свои заколдованные смертоносные полосы, с разбегу врезались в столь же плотный строй скифов, рубя и коля степняков.

Новое оружие потомков Сварога оказалось ужасающим. Оно не тупилось, не крошилось, не гнулось, не ломалось. Попадая по голове, — оно не оглушало человека, а рассекало кожаный шлем и вонзалось в череп; ударяя в тело, оно не ломало кости через толстый слой войлока или кожи, а прокалывало доспехи, словно шип акации — опавший древесный лист. И это — в руках смертных. Боги же рубили вражеские щиты вместе

с держащими их руками, одним взмахом сносили головы с плеч, пробивали длинным выпадом по два тела сразу. Скифы падали один за другим, на снег потекли настоящие ручьи крови — и армия степняков начала пятиться, пятиться, а потом просто побежала прочь от страшной неминуемой смерти.

Между тем им навстречу от обоза быстро ползла, извиваясь по снегу, хрупкая девочка в замшевом платье, с длинными соломенными волосами, выпавшими из-под потерянной шапки.

— Куда же ты, племянничек?! — весело поинтересовался великий Перун, переждавший за щитом короткий ливень стрел и теперь снова устремившийся к близкому врагу. — Я хочу доставить тебя к маме!

Рыжий бородач попытался уколоть Орея, но промахнулся, неудачно кольнул еще раз, потом рубанул из-за головы.

Сын великой Макоши, сосредоточенно прикусив губу, отбивался топором и палицей, подставляя под выпады их каменные наверхия. Он уже понял, что против коричневых полос дерево защитить не способно, и теперь остро жалел, что побрезговал тяжелым медным ножом, который пыталась подарить ему змееногая Табити. Орей отступал, уворачивался, отмахивался от оружия бога грозы, пользуясь каждой заминкой рыжего бородача, чтобы снова и снова бить топориком в его щит. Если удастся разломать защиту врага — появится возможность достать топориком до его головы или хотя бы ноги!

О том, что он остался один против нескольких богов и десятка смертных, Орей старался не думать. Впрочем, прочие славяне в схватку богов не вмешивались. И без того на войлочной кирасе скифского воеводы появля-

лись все новые и новые разрезы, быстро набухающие кровью.

— Да! — радостно выкрикнул Орей, наконец-то разбив Перунов щит.

— Н-нет! — хохотнул рыжебородый бог, отпуская рукоять своего диска и выхватывая из петли палицу. Скифский топор и славянская булава столкнулись, рассыпаясь в каменное крошево, и тут же воздух со свистом прорезала коричневая полоса. Орей откинулся, спасаясь от смертоносного лезвия, и распластался на снегу, раскинув руки. Великий Перун шагнул к нему, вскидывая оружие для завершающего удара: — Вот и все!

Именно так, с занесенными руками, он и окаменел, покрываясь паутинкой мелких трещинок. А следом окаменел еще один воин, другой, третий, четвертый...

— Лучники, девку убейте, она богиня! — наконец осознал происходящее великий Ситиврат и тут же обратился в гранитное изваяние с вытянутым указующим перстом. Остальные славяне торопливо прикрылись от смертоносного взгляда ползущей уродки щитами, и лишь стрелки скинули оружие, дабы успеть поразить врага первыми. Зловеще загудели отпущенные тетивы.

— Не-ет!!! — Поднявшийся со снега Орей метнулся к Ящере и успел закрыть ее собой, приняв в свою спину все шесть славянских стрел.

От вида упавшего рядом окровавленного тела, покрытого порезами и истыканного тонкими оперенными древками, у девушки округлились глаза, и она, сжав кулаки, завывла, заорала в злобе и бессилии — яростно, оглушительно, во всю мощь наследницы великой Табиты, прародительницы скифов. От этого вопля с деревьев окрест облетела изморозь, рухнули снежные шапки, а кое-где и сучья; от этого вопля с су-

гробов поднялась мелкая пыль, похожая на туман, потрескался лед, пропуская сквозь себя темную речную воду, от этого вопля у людей пошла кровь из глаз и ушей, и они попадали с ног, сжимая головы ладонями, не способные больше ни убежать, ни нападать, ни даже думать или чувствовать.

Увы, но крик бешенства испугавшейся за своего любимого богини сразил одинаково как врагов великой Ящеры, так и ее воинов, и потому не принес победы ни одной из сошедшихся в смертельной битве армий...

